

**Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пятигорский государственный лингвистический университет»**

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВПО

«Пятигорский государственный
лингвистический университет»

академик АПСН, профессор
А.П. Горбунов

Пятигорск, 25 февраля 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Флакسمан Марии Алексеевны «Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – Германские языки

Оставшийся в наследство от структурализма постулат о произвольности языкового знака в сегодняшней лингвистике уже не воспринимается столь категорично. Очевидно, что он применим только к синхроническому аспекту языковой системы с точки зрения обыденного пользователя языка. Для лингвиста же в языке не может быть ничего произвольного ни в синхронии, ни в диахронии, ни в системе, ни в функционировании. Сам Соссюр видел задачу лингвистики в прогрессирующем ограничении принципа произвольности, т.е. в исследовании мотивирующих связей между языковыми элементами, между психическим и лингвистическим. Обращение к звукоизобразительности, понимаемой не как периферия языковой системы, а как её генетический фундамент и постоянно возрождающееся явление, как нельзя лучше соответствует этой задаче. Поэтому исследование М.А. Флакسمан, посвященное динамическому аспекту звукоизобразительной лексики, представляется чрезвычайно *актуальным*.

В процессе языковой эволюции генетически первичная звукоизобразительность неизбежно подвергается денатурализации, т.е. превращению иконических и индексальных языковых знаков в конвенциональные символы. Однако результаты процесса денатурализации по-разному сказываются на фоно-семантической судьбе различных типов английских слов. Центральным положением диссертационного исследования М.А. Флакман является стадильная классификация звукоизобразительных слов: от нулевой стадии – с наиболее тесной фоно-семантической связью – до четвертой, где иконическая связь означающего с означаемым полностью затемнена. Подобная классификация никем ранее не предлагалась и, безусловно, представляется *новым словом* в фоносемантике. Существенным для целей работы и так же *новым* является разграничение исторических фонетических изменений на фоносемантически значимые и незначимые. Здесь следует, правда, оговориться, что субстантивированный термин «фоносемантическая значимость», взятый вне контекста, вызывает нежелательные ассоциации с сосюровской «значимостью», подразумевающей совсем иной смысл.

Композиция диссертации М.А. Флакман выглядит продуманной и логичной. В первой, установочной главе автор рассматривает общие сведения о звукоизобразительности в языке и об аспектах изучения исторического развития звукоизобразительной лексики. Вторая глава посвящена описанию звукоизобразительной системы английского языка в диахронической перспективе. Отдельное внимание уделяется в третьей главе регулярным фонетическим изменениям, так или иначе затрагивающим изначальное фоно-семантическое единство английской лексики. Наконец, четвертая глава обобщает предварительные посылки, представляя разработанную четырехступенчатую классификацию «угасания» звукоизобразительности, а также содержит количественный анализ деиконизации исконной и заимствованной лексики. Особое место в этой главе занимает предпоследний параграф, в котором автор предлагает ряд уточнений к известному методу фоносемантического анализа С.В. Воронина, что, несомненно, следует квалифицировать как момент *новизны* и вклад в фоносемантическую теорию. Впечатляет и объемный том, содержащий приложения к работе, которые наглядно иллюстрируют самые разнообразные аспекты проведенного автором исследования.

Считая излишним в жанре отзыва подробное описание рецензируемой работы, далее сосредоточимся на наиболее существенных ее положениях и на дискуссионных сторонах.

В различных местах изложения своего исследования (пп. 1.1.3.3, 2.3.3, 4.3.) М.А. Флакман выделяет особый статус фонестем в звукоизобразительности. Действительно, они представляют собой

специфические знаковые единицы субморфемного уровня, характерные не только для индоевропейских языков, но и для большинства языков мира, чья фонотактика позволяет скопление согласных звуков. Однако мы бы не стали так категорично утверждать, что «фонестемный звуковой символизм – это ещё один вид звукоизобразительности, *принципиально отличающийся* от рассмотренных выше [звукоподражания и звукосимволизма]» (с.31). Тот факт, что фонестемы выводятся из лексических парадигм с формально-семантической общностью, не обязательно предполагает вывод об их появлении вследствие «более или менее случайной группировки семантически схожих слов» (там же). Среди любого ряда фонестемической лексики можно найти слова, относящиеся либо к звукоподражанию, либо к звукосимволизму, либо одновременно к ним обоим. Остальные представители этого ряда со сходной инициальной или финальной образуют семантические поля большей или меньшей протяженности, развивающиеся из исходных звукоизобразительных значений. Как показывают наши собственные исследования, этот принцип «фоносемантического поля» организует системы как фонестемической лексики, так и всех остальных слов со сходным начальным согласным. Диахронически – это всё тот же процесс деиконизации, который и рассматривается в данной диссертации, только идущий к дальнейшим стадиям после заключительной четвертой в авторской концепции.

Безусловным вкладом в лексикографию стал составленный М.А. Флакман корпус английской звукоизобразительной лексики, в которую вошло 1496 ЗИ основ. Он существенно обогатил существующие на сегодняшний день сведения о состоянии звукоизобразительности английского языка. Однако для нас осталось не ясным, почему такие ярко звукоизобразительные слова, как *hit*, *shock*, *shout*, не нашли в этом корпусе своего места, хотя бы на 4-й стадии деиконизации. То ли потому, что в лексикографической традиции им отказано в этом статусе, то ли потому, что они не вписались в канонические модели С.В. Воронина как инстанты и континуанты?

Вызывает также сомнение утверждение автора о полном отсутствии фреквентативов в ЗИ системе английского языка вследствие, прежде всего, исторической вокализации г в исходе слова (с.71, 119). Тогда получается, что в американском варианте, где г в этой позиции произносится, фреквентативы сохранились? Но даже если согласиться с этим, нельзя не иметь в виду английские слова с начальным произносимым г, денотатами которых являются различные дрожащие звучания, напр., *rattle* 1) а) треск, грохот; дребезжание; стук; *roar* 1) реветь, орать; рычать; 2) храпеть (о лошади); *ruff* 1) дробь барабана, барабанный бой; 2) топот ногами и т.п. В Приложении 2.5 *rattle*, правда, присутствует, но трактуется как фреквентатив-квазиинстант.

Почему? Чтобы не противоречить изначальному тезису об отсутствии чистых фреквентативов? Тем не менее, далее (с.76) говорится о нетипичных чистых фреквентативах, таких как *purr* «мурлыкать», доля которых в несколько раз превышает количество типичных канонических фреквентативов. Так значит они все-таки есть? К тому же в большом количестве фреквентативы сосредоточиваются у фонем с R-формантом.

Классифицируя ЗИ слова по структуре, М.А. Флакман различает однокомпонентные и многокомпонентные обозначения. При этом ныне однокомпонентное *gowk* «кукушка» становится единственным представителем класса многокомпонентных слов на том основании, что исторически произошло от редуцированного *ku-ku (с.77). В таком случае не вполне ясно, для какого периода языка предложена эта классификация: для современного или для древнейшего?

В параграфе 2.3.2, посвященном звуко-символической лексике, автор делает вывод (если мы правильно поняли) о значительно меньшем ее количестве, по сравнению со звукоподражательной, и о существенной доле заимствований в процессе ее пополнения (25% среди интракинесемизмов и 45% среди экстаркинесемизмов). Здесь возникает сомнение по поводу отобранного материала, на основе которого выводится такое заключение. Например, в фокусе внимания исследователя оказываются в основном экстракинесемизмы (ЭКС) с признаками «округлое» и «малое». Но список ЭКС наименований этим не ограничивается. Известно, что сфера ЗС номинации может распространяться не только на форму (где помимо «округлого» есть еще и «острое») и размер (где есть оппозиция «малому» – «большое»), но также на фактуру («гладкое» – «шероховатое»), оценку («мелиоративность» – «пейоративность»), интенсивность («сильный» – «слабый»). Возможно, при учете этих номинативных признаков в звукоизобразительности английского языка количественное соотношение со звукоподражанием и с заимствованиями было бы другим.

Анализируя фонемный символизм в диахронии (п. 2.3.3), М.А. Флакман оговаривает, что в качестве материала выбраны фонемы, представленные не менее чем 10-ю лексемами в группе. Таким образом, было рассмотрено 12 фонемных групп. Но раз уж был избран такой критерий отбора, то почему тогда обойдены вниманием такие «плодовитые» фонемы, как *sp-*, *spl-*, *spr-*, *dr-*, *fr-*, *tr-*, *wr-*? Некоторые из них превышают условный порог более чем в два раза. Может быть, автор имела в виду не менее 10-ти *собственно ЗИ и ЗС лексем* в каждой из групп, а не общее количество фонемных образований?

Как мы уже отмечали выше, разграничение диссертантом фоносемантически значимых и незначимых фонетических изменений в эволюции языка является существенным и новым в диахроническом

описании. Однако некоторые интерпретации конкретных примеров кажутся излишне категоричными. Так, по авторскому определению, «Фоносемантически значимое регулярное фонетическое изменение – это фонетическое изменение, полностью разрушающее исходную смысло-звуковую корреляцию иконического слова» (с.93). В качестве примера фоносемантически значимого фонетического изменения М.А. Флакман приводит (с.94-95) слово *bubble* «пузырь», в котором первоначальный лабиальный гласный преобразовался в нелабиальный и, следовательно, перестал быть иконическим знаком для «округлости». Но здесь следует учитывать и дублирующие знаки-согласные – два лабиальных *b* и фонестему *bl-*, сохраняющих идею «округлости». А значит, говорить о полном разрушении звуко-смысловой корреляции в данном случае было бы преувеличением. Если пересмотреть все другие примеры фонетических изменений в этом свете, то, возможно, и без того ничтожный процент (8%) нарушения иконичности оказался бы еще ниже. И отсюда – очень важный вывод о жизнеспособности звукоизобразительности в языке (по крайней мере, в английском).

Однако этот вывод можно сделать с известной степенью осторожности. Дело в том, что исследование М.А. Флакман затрагивает в основном только три типа фоносемантически значимых фонетических изменений: 1) делабиализацию, или переход *v > ʌ*, 2) вокализацию *r* и 3) Великий Сдвиг Гласных. А такие изменения, как 4) палатализация заднеязычных, 5) утрата фонемы */x/*, 6) делабиализация *u* долгих и кратких гласных, 7) сужение гласных [*a: > ɔ:*] остались за рамками исследования. Но, возможно, они не были упомянуты ввиду отсутствия соответствующих примеров со звукоподражательными и звукосимволическими словами?

Как уже указывалось, одним из самых главных достижений диссертационного исследования М.А. Флакман является разработка четырехступенчатой классификации, определяющей степень деиконизации ЗИ лексем. Её основания убедительны и в целом не вызывают возражений. Тем не менее, отнесение некоторых конкретных слов к той или иной стадии не всегда достаточно аргументировано. Так, на наш взгляд, лексемы *cut* «резать, рубить» и *shatter* «разбивать» вполне можно было локализовать не на стадии Зб, как это делает автор, а на «более иконической» 2-й стадии, т.к. признак «звучания» в современном значении этих слов никуда не исчез. Нет необходимости вводить уточнение «изначально «рубить со звуком» или «разбивать» изначально со звоном» (с.138) – ни рубить, ни разбивать в принципе невозможно без звука!

Достойным финалом, венчающим исследование М.А. Флакман, явились уточнения к методу фоносемантического анализа, сформулированного С.В. Ворониным, в свете стадияльной концепции

деиконизации. Эта модернизация позволяет взглянуть на звукоизобразительность не как на историческую данность, но как на перманентный круговорот: от фоносемантической мотивированности к денатурализации, или произвольности и, далее, вновь к мотивированности, в том числе фонетической.

Все замечания и вопросы, высказанные в нашем отзыве, ни в коей мере не ставят под сомнение серьезную теоретическую значимость и практическую ценность диссертационного исследования М.А. Флакман. Авторский замысел и его воплощение вызывают глубокое уважение и побуждают к плодотворной полемике. Работа выполнена на очень высоком уровне и свидетельствует о научной состоятельности диссертанта.

Автореферат и достаточный список публикаций адекватно отражают содержание и структуру диссертации. Можно с уверенностью констатировать, что перед нами самостоятельное, обладающее новизной, теоретической и практической значимостью, большим эвристическим потенциалом исследование. Представленная на отзыв диссертация по своему теоретическому уровню, актуальности, научной новизне, теоретической ценности и практическим результатам полностью соответствует критериям, сформулированным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденном постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Флакман Мария Алексеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – Германские языки.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором Андреем Борисовичем Михалёвым, обсужден и утвержден на заседании кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», Протокол № 5 от 20 февраля 2015 года.

Заведующий кафедрой языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»,

доктор филологических наук, профессор – Витковская Л.В.

Витковская Леокадия Васильевна
Тел. +7(903)4443059; e-mail: lvv23@yandex.ru
ПГЛУ, 357532, просп. Калинина, 9, Пятигорск

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет». Россия, 357532, Пятигорск, просп. Калинина, 9. Тел.: +7(8793)400-000; сайт организации: www.pglu.ru